

Независимая газета. — 1992. — 24 июня. — С. 7.

ВБЛИЗИ АБАДОННЫ

и в компании Азazelло
Мадонна смотрелась бы лучше

Павел Крючков

Мнение

«...ОН ШЕЛ в окружении Абадонны, Азazelло и еще нескольких похожих на Абадонну черных и молодых...»

Она шла по коридору в окружении своих упругих мальчиков и двух служанок-подпевал, готовых вцепиться в глотку первому же вонючему кабу. Постепенно мальчики отстали — «мамино воспитание» давало себя знать. Спинной чувствовала, как уверены они в хозяйке — черные, блестящие, молодые. На ходу достала очки, полицейская тупость мешала думать о сцене. Глаза укрыты — осталось только небрежным шагом пройти мимо их козырьков и бляк, не выдавая себя. В конце концов Луизы Чикконе больше нет — есть Мадонна, а она знает, что делать. Плевать!

Прошли. За спиной остается голос Френда: «Она ничего менять не будет». Правильно. Тогда нужно отпустить девочек, их локти уже давно онемели. Теперь можно отпопырить задницу, нежно похлопать себя и засмеяться. Разглядели, придурки? Занимайте места, я вам еще не то покажу.

Похуже, что недавние времена, когда Боуи в паре с Джаггером собирались переснимать «Некоторые любят погорячее»* и готовили в замену Монро кандидатуру Мадонны, канули безвозвратно. Ностальгический ретро-фильм «Дик Трэси», по которому еще недавно стонали звездно-полосатые поклонники, тоже годится лишь для музеев кино. Теперь обалдение должно стать нокаутом.

Ее последнее шоу состоит из восемнадцати сюжетов. Последний фильм — из одного. Он прощ, как гамбургер: плохая игра, в худшее притворство. Тридцатидвухлетняя прима достаточно исполосовала своей губной помадой зеркала времени и пристрастий. История моды забрала ее родинку и платья, стилизованные под шелковое белье. Хореография впитала цинизм отчаянной «сопротивленки». Поп-музыка взяла всю ее целиком. Что же осталось?

Она выгляла в себе мичиганские замашки смелостью одиночки — добилась большего, чем другие «выпускницы низов»; вояремя почувствовала, что сентиментальные шашни двух именитых предшественниц уже не вдохновляют и закрепила агрессию последнего десятилетия уходящего века своим желанным вызовом. И хотя прецедент имел место — пиратские компакт-записи «оргазмов» Б. Б. и серия фотопортретов обнаженной М. М. имелись на руках у публики, — Мадонна обошлась без технических посредников и сама распорядилась вынести постель на сцену. Новая аранжировка песни «Как девственница» была проиллюстрирована почти трехминутной имитацией мастурбации. Эротические подвиги в приделе католического храма смотрелись уже бледнее.

О том, что лента «В постели с Мадонной» оказалась откровенной халтурой, писать неинтересно. Почему? Ну хотя бы из жалости: грустно видеть, как вроде бы верный расчет подводит уверенного в себе человека. И все же Мадонна всегда была неплохим стратегом — наверное, потому, что ничего не делала сама. Ее последнее грандиозное шоу (отрывками вошедшее в фильм) подготовлено знаменитым парижским модельером-авангардистом Жаном-Полем Готье и балетмейстером Винсентом Паттерсоном, сло таршим все рамки эстрадного балета. Сцену оформил брат певицы — Кристофер, вметивший в 105 минут действия машиностроительный цех, алтарь и будуар.

Эти парни сделали свое дело — prime оставалось лишь подхватить зажигательные идеи и постараться выдержаться. И она выдерживает. Но шоу — это только часть картины.

Мадонна не рассчитала одного: «фильм о себе» — это не жанр. «Эффекта «скрытой камеры» не существует: чтобы действие удалось, она (камера) должна быть «параллельной», как штатный фотограф, прищипывая себя и окружающих к «незаметности».

Жалость к герою усиливается, когда на твоих глазах несуществующий жанр начинают настойчиво украшать деталями реального интерьера — вроде телефонного «разговора с папой» или унизиительной сцены примирения одного из крутых танцовщиков со своим отцом, когда-то посмеившим скептически

сына. После натужного брифинга с канадской полицией на тему чистоты нравов чувство жалости плавно сменяется досадой: ну неужели она не видит? Нет, не видит. И не увидит никогда — как вылетевшие из карманов зрителей деньги не превратятся в бутылочные этикетки, а сама Мадонна больше не станет Луизой Чикконе.

И последнее: приму жалко еще и потому, что она профессионал. Вылепленный ею сценический образ мне, зрителю в количестве одна единица, может быть и неприятен, но сделан он, я понимаю, талантливо. И хватит об этом.

Когда ты выходишь из темного зала и думаешь, чем залакировать свою зрительскую досаду, то начинаешь постфактум участвовать в переделке: помещать бедного героя в иной жанр и другие интерьеры.

...И я увидел другую свиту, иных профессионалов.

Я подсмотрел, как дерутся рыжая Гелла с притворщиком Беттесом, а потом целуются

дом крутился только что увиденный эпизод любви «мамы-Мадонны» к одному из своих черных мальчиков и нарочитое целование его штроблет. Я увидел, как упал, обрушился на Маргариту ослепительный бал, состоящий из тысячи маленьких «мадонн», отрабатывающих свое жестокое па под грохот джаза и суету негров, бегающих с простынями в руках. И я вочью увидел действие «крема Азazelло» — как слой за слоем (нет, не снимается!) ложится на влажную кожу розовая пудра. И как в конце сюжета последний такт меняет лицо героини, после чего образ летит в своем настоящем виде. Только вот куда летит он?

Этого я додумать не успел, так как трамвай заворачивал и афиша с атласной постелью, принявшей в себя тело упрямой рок-грезницы, уехала за угол дома.

Мне жаль и себя: выходит, я не умею смотреть суперфильмы, выдерживающие испытание скандалом. «Пусть бы ездили Беттесом, он бы держался».